

МЫ — МИРНЫЕ ЛЮДИ

Раннее рабочее утро. Открывается дверь, и у нас в гостях — старейший ветеран Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов Вологжин Иван Афанасьевич.

Лёгкий, подтянутый, моложавый, глаза добрые, чистые. Никогда и не подумаешь, что в августе ему исполнится восемьдесят семь лет. И необычайно скромный.

Пытаюсь расположить его на откровенность, задаю разные вопросы, а он:

— Не пишите обо мне, не надо. Уж и так обо мне много писали, не хочется повторяться.

Тогда я с другой стороны подхожу к нему, нажимаю на мелкие детали воспоминаний. И получилось. Непринуждённо, со смешком, с юмором, незаметно пролетели два часа беседы.

— Вспомните, дорогой Иван Афанасьевич, что-нибудь из детства.

Он, с улыбкой:

— Да, помню, как впервые кино смотрел, немое, «Свинарка и пастух». Мать пришла, когда вол напал на пастуха. Как закричит: «Что сидите, мужики? Человек гибнет!» Все засмеялись. Поезд мать увидела, когда ей семьдесят лет было.

И постепенно разговор перешёл о войне.

Август 1941 года. Идёт война. Семнадцатилетним мальчишкой, вместе с другими такими же комсомольцами-добровольцами, отправился Ваня Вологжин под Смоленск, рыть противотанковые рвы. Одежда гражданская, кто в чём, девчонки даже в туфельках на каблучках. Только выруют — летит фашистский самолёт, по форме называемый солдатами «рамой»: стрельба, взрывы. Много необученных, необстрелянных молодых людей тогда полегло в этих рвах. Спрашиваю:

— Чем же были вооружены в те дни добровольцы, защищавшие Смоленск, потом Москву?

Иван Васильевич улыбается:

— В сентябре выдали винтовки нового образца СВТ (Симонова), но они капризные, часто давали сбой, поэтому их и заменили старыми двухлинейными винтовками, выпущенными ещё при царе-батюшке, как более практичными. В сорок втором — сорок третьем годах уже получили автоматы. Тогда же нас перебросили под Сталинград. Там при рытье траншей был контужен и в госпитале, в городе Ишим, прошёл двухмесячные курсы молодого танкиста. Брали на курсы грамотных ребят, так мы прибавляли себе по несколько лет и классов, чтобы стать танкистами. В тысяча девятьсот сорок третьем году получил тяжёлый танк КВ («Клим Ворошилов»). Под Курском нас подбили, танк загорелся. Вместо него позднее получил лёгкий танк и с ним дошёл до Берлина.

Мне интересно:

— А были ли моменты, когда солдаты шутили, смеялись, какие-нибудь ситуации юморные?

— Ну конечно. Мы двигались на запад. И вот нас кормили на завтрак, обед и ужин одной варёной кукурузой. Это уже порядком надоело, солдаты стали ворчать: «Подорвать эту кухню надо. Что одной кукурузой кормит?» И вот однажды наш солдат, якут Фадеев, привыкший к оленине, когда поблизости никого не было, подкинул в топку гранату. Конечно, всё разнесло. Приезжали тогда разбираться из политотдела армии, но мы своего товарища не выдали. В то время это было серьёзное ЧП. Поскольку

никто ничего не видел, проверяющие решили, что это случайный снаряд попал.

А мне опять не терпится задать новый вопрос:

— Расскажите, пожалуйста, про Победу поподробнее.

Взгляд собеседника отвердел, лицо стало суровее.

— Второго мая тысяча девятьсот сорок пятого года мы вошли в Берлин. Надо отметить, какое гуманное наше военное руководство было. Чтобы не рушить мостовые улиц города, было запрещено двигаться тяжёлым танкам, только лёгким и артиллерии. Берлин был взят второго мая, но акт о капитуляции подписан только восьмого мая, после освобождения Праги (Чехословакия). Нас тут же погрузили в вагоны и тайно, ночами, чтобы не узнала разведка Японии, отправили на восток. Маршал Василевский Александр Михайлович, командующий Русско-японским фронтом, был временно разжалован Сталиным и понижен в звании с той же целью — замаскировать действия русских на востоке. После войны Василевский А. М. был восстановлен в звании.

Я опять тревожу его память:

— Иван Афанасьевич, а как же девочки, любовь? Ведь вы же все молодые были, чуть более двадцати лет.

Смеётся:

— Какая нам была любовь? Грязные, вшивые. Да и девчонок в армии практически не было, а дисциплина жёсткая. Позже было, конечно. Однажды, после Победы, уже в Порт-Артуре, на семьдесят девятом разъезде, решили съездить на танцы к девчатам, а это в двадцати километрах от нас. Завели два танка и уехали. Познакомились. Меня потом за угон техники из старшего сержанта в младшего сержанта разжаловали. Это было первое свидание за годы войны. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году нас перевели в город Иркутск, в «Красные казармы», ныне Восьмая Советская. Там и с женой познакомился. Она в то время работала в Иркутске на слюдяной фабрике. Тогда выбор большой был, девчонок много. У неё отец военный был. Я тогда больше с отцом общался. Может, он и посоветовал ей: мол, не пьёт, не курит. Кто знает? Мы поженились, трое детей у нас, а пожить вместе долго не пришлось. Сложилось так, что надо

было ей лететь в Иркутск на похороны матери. В это время мы уже проживали в Иркутской области. Я провожаю её с дочкой в аэропорт на самолёт. А тут, как нарочно, переход белок через дорогу. Одна белка угодила в переднее колесо самосвала. Самосвал остановился, водитель вышел. «Глянька, она, поди, живая», — сказал он и взял обмякшую белочку в рукавицу-верхонку. Приехали в аэропорт, а белочка и впрямь ожила. Дочке жалко было её отпускать в лес. «Не поеду, — говорит, — вернусь домой. Белке домик делать надо, клетку». Так мы и вернулись с ней и с белкой. Жена улетела на самолёте, а в Чуне самолёт упал и разбился, все погибли. Вот так получается, что белка дочке жизнь спасла. Ей тогда пять лет было. Давно это было. Второй раз жениться не довелось, дети не хотели другой матери. А теперь уж и поздно, младшему сыну уже шестьдесят лет.

Не хочется заканчивать разговор на такой грустной ноте, и я бодро:

— Иван Афанасьевич, а чем сейчас занимаетесь? Как живёт наш герой, наш ветеран?

— О, а охота, рыбалка? До сих пор помнят, что у меня самые лучшие собаки были. Правда, на охоту уже не хожу, но рыбалку люблю. Вот раньше рыба была: щука, таймень, ленок, хариус, осётр, стерлядь. Сейчас этой рыбы уже нет, ушла. Елец — первейшая и доступная рыбка была любому рыбаку. Но ей течение нужно, а в море его нет. Остался окунь, иногда щука.

— Расскажите о во-о-от такой рыбе с та-аки-и-ими глазами.

Опять тепло, с улыбкой:

— Да, были случаи в моей жизни, и немало. Приехали мы однажды на рыбалку, рыбачим, перебираем сети. Рядом медведица с двумя медвежатами: учуяла еду в лодке и напала на нас. Мы туда-сюда, делать нечего, пришлось стрелять. Убили её. Медвежата от страха на дерево залезли. Намотав на палку тряпку и обмазав сгущёнкой, мы приманили их и сняли с дерева. Через два часа они всю уже носились за нами. После рыбалки пришлось забрать их домой. Так, подбирая в лесу медвежат, у меня набралось их семь. Я их

определил потом: одну, Машку,— в пионерский дом, другого, крупного самца,— в «Крылатый» и так далее. Часто ездим рыбачить с Орловым Иваном Васильевичем, тоже ветераном войны. Помню, однажды выехали мы двое и племянник Орлова И. В. порыбачить. Начался шторм, а нам ухи захотелось. Иван Васильевич на берегу остался, а мы с племянником — в море. Я подал команду: «Вправо»,— и племянник резко взял вправо. Лодку накренило, и меня снесло за борт. Спасло то, что я хорошо плаваю, да племянник, развернувшись, буквально затащил меня в лодку. А мог бы я и утонуть.

Вологжин Иван Афанасьевич смеётся.

— Конечно, случаи разные были, разве все упомнишь? Если только так, к слову.

— А где работали последнее время?

— В школе номер тридцать пять. Семнадцать лет сантехник, плотник, столяр. И до сих пор встречаюсь с молодёжью пятой, тридцать пятой школ.

Он хмурится.

— Огорчает только, молодёжь другая стала, как будто чума на неё напала. Курят, сквернословят. Да и учителя какие-то холодные, дисциплина пропала.

Ну вот, опять о грустном.

— А расскажите о том, как вы квартиру учительнице подарили.

Наш герой опять засмутился:

— Да что говорить? Об этом уже писали, даже неудобно, скажут — хвастаюсь. Ну, выиграл я по лотерее триста пятьдесят тысяч рублей. А перед этим чинил сантехнику у учительницы, которая жила со всей своей разросшейся семьёй в двухкомнатной квартире без всякой надежды на расширение. Конечно, я переговорил с детьми: что делать? Дети у меня обеспеченные, все военнослужащие. «Отдай кому-нибудь»,— говорят. Может, и шутили. А я решил, что мне на мой век хватит того, что есть. Вот и купил учительнице однокомнатную квартиру. Бывает, навещаю один-два раза в год, чтоб не надоедать.

И он ушёл, приветливо помахав рукой на прощание.

Вот такой у нас герой, Вологжин Иван Афанасьевич. Честное слово, так было жаль расставаться, ведь сколько ещё его память хранит интересных моментов жизни. Глядя на него, понимаешь: да, мы мирные люди, нам свойственны добро, любовь, и это мы готовы всегда защищать до последней капли крови. Вот так! Спасибо вам. Крепкого здоровья и душевного спокойствия, дорогой наш земляк!

И снова рассказ о войне сложился в стихотворение, которое стало песней:

ВETERАНЫ

Мне рассказали старики,
Герои страшной битвы этой,
Как у широкой той реки
Бои гремели до рассвета.
 Пылал от взрывов небосвод,
 Был слышен лязг тяжёлых танков.
 Тогда солдатский малый взвод
 Пошёл в атаку спозаранку.
Ура! Нет танка одного!
Так вышло: наш солдат пал рядом.
А дома мама ждёт его,
Живого ждёт, а не награды.
 И с болью сердце застучит,
 Похолодеют чьи-то души,
 Но степь ковыльная молчит
 И кровь солдатскую осушит.
Всё, знаем, было не напрасно.
Печаль мы памятью укроем
И в День Победы цветом красным
Украшим улицы героям.
 Приспустим знамя к их ногам,
 И вспомним всех, кто канул в Лету,
 И со слезою пополам
 Нальём и выпьем за Победу.
Мне рассказали старики
Всё о войне, теперь далёкой.
А по реке плывут венки,
И слышен журавлиный клёкот.
 Идут в колоннах ветераны,
 Пусть поредел колонн тех строй.

На сердце Родины есть раны,
Но нет забытой ни одной.

Вы думаете, что это единственная встреча с Вологжиным Иваном Афанасьевичем? Уже через несколько дней он снова зашёл в совет узнать по поводу путёвки в санаторий. И я не могла не продолжить беседу с таким удивительным человеком. Я предчувствовала, что у него много ещё непридуманных историй, и не ошиблась.

— Иван Афанасьевич, вы рассказывали о рыбалке, охоте. А чем грибная охота хуже?

О, это был правильный вопрос. Я и не предполагала, что услышу такой интересный рассказ, который откроет ещё одну грань этого человека. От чая он отказался, но чувствовалось, что беседовать ему со мной было интересно. И он начал:

— Я расскажу вам историю, которая произошла со мной прошлым летом. Грибными местами богат наш сибирский край. А за белыми мы ездим в посёлок Озёрный, что за морем. Доехали до переправы, машин много, мы сорок пятые. Точно два часа простои́м в очереди. Решили побродить вокруг. Мои друзья не такие опытные в хождении по лесу, могут заблудиться, поэтому я одеваюсь так, чтобы был заметен далеко. Вот и сегодня я был одет как на праздник, в белой кепочке, белой рубашке и ветровке. Вошли мы в лес, немного побродили, и вдруг послышался издалека одинокий грустный крик: «А-а-а!» Я почувствовал нотки печали и беды. Мои спутники, видя мою решимость пойти на голос, стали отговаривать: мол, пора выходить, времени нет. А меня что-то тянет. Оставил свой пакет здесь, с ними, и пошёл на голос. Надо было перейти просеку линии высоковольтной передачи, всё заросло травой, дороги нет, ям не видно. Тут я поскользнулся и сильно ушиб колено, скатился в яму. Выбрался — и снова в путь на редко слышимый голос. И нашёл его. Мужчина сидел, прислонившись к толстой сосне спиной, глаза закрыты, уши, веки, губы объедены мошкой до неузнаваемости, вместо ушей одни хрящи. И только иногда открывался рот и издавался негромкий, ничего не выражавший звук: «А-а-а!» Когда я тронул его за плечо, он с

трудом приоткрыл глаза, не удивился, и тихо сказал: «Воды дай!» А у меня ни воды, ни еды. Смотрю на него и понимаю, что его мне не донести с моим коленом, сам хромаю. Достал сотовый, чтобы дать знать своим, а он здесь не берёт. «Сиди здесь, — говорю, — я за помощью пойду!» А сам полез на гору, чтобы осмотреться. Лезть-то вверх пришлось часа полтора. Поднялся, тут и связь появилась. Звоню домой своим, прошу сообщить поисковой группе, что нашёл мужика в лесу больного, надо помочь вывезти. А мне говорят, что по телевизору сообщили, что три дня назад ушли в лес и пропали два брата. Я и вспомнил, что мужик спросил, не видал ли я брата Вовку. Видать, это они и есть. Старший группы потом со мной связь держал, сказал, чтобы я костёр зажёл, чтобы дыма больше было. Я-то думал, что они на вертолёте будут, а они на машине, а это ещё часа четыре. Мой костёр давно сгорел, но дым ещё был, они его заметили. Пришли пешком, машину оставили за километр, ближе не подъехать. Весьма подивились моему виду. Один так и спросил: «Ты с кем здесь?» Я ответил: «Один». Он опять: «А чё так вырядился?» Пришлось пояснить, что для друзей, чтобы виден издалика был. Повёл я их к мужику, а его нет, уполз куда-то. А впереди ночь. Перенесли поиски на завтра. А утром я решил пройти по своей тропке, как сам к нему вышел. И правда, нашёл. Лежит он вниз лицом. Думаю, помер. Ан нет, живой. Увезли нас обоих. Меня — домой, я себе компресс сам наложил, потом неделю ходить не мог. А его повезли в больницу номер пять, а там не берут: не наш, мол, профиль. Так ведь первую помощь доктора обязаны ему в любой больнице оказать. Потом всё-таки взяли, там и вылечили. Позднее выяснилось, что они с братом взяли с собой две бутылки водки в лес, выпили там и заблудились. Вот что делает водка! А брата искали, но не нашли тогда. Только на следующий год, по весне, опять же я нашёл: сначала один сапог с костью внутри, примерно в километре от того места, где первый брат его сидел, чуть дальше — другой. Похоже, звери растаскали. Вот такие получились грибы! Потом приходили родственники, предлагали деньги за спасение брата. Я, конечно, не взял, оскорбился даже. Тогда они через день

звонят. Я открываю, а мне в двери большой двухкамерный холодильник толкают. У меня своих два, теперь три стоят. Позднее приехала родня с Дальнего Востока — опять ко мне в гости с подарками, телевизор принесли. А за что? Вот если бы и второго брата спасти пришлось, вот это была бы радость. Я думаю, любой бы поступил на моём месте так же.

А? Что? Как вам мой герой? Я слушаю его и люблюсь им. И снова с вопросом к нему:

— Иван Афанасьевич, вы такой интересный мужчина, не может быть, чтобы у вас не было женщины. Поделитесь своей тайной.

Он улыбается:

— Конечно, есть! Мы давно уже дружим. Правда, я намного старше её, но она не хочет со мной расставаться, говорит, что я ей нравлюсь.

Вот! Любовь и доброта правят миром. Если бы все люди были ответственны друг перед другом, помогали и защищали друг друга, как бы мы хорошо жили! Счастья вам, дорогой Иван Афанасьевич, и крепкого здоровья.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Самая тяжёлая война двадцатого века удаляется от нас всё дальше и дальше. Героев, участников Великой Отечественной войны становится всё меньше и меньше. Много книг написано о них и об их воспоминаниях, о тех жарких боях с фашистской Германией и о завоёванной в результате победе. Вслед за участниками войны и тружениками тыла идут их малолетние дети, теперь названные «детьми войны». Это последние свидетели, зрители тех ужасных событий. И их воспоминания также очень ценны.

Я хочу рассказать о том патриотизме, который жил в народе нашей многонациональной страны и помогал пережить эти военные годы на фронте и в тылу.

Вечереет. Сегодня проводится совещание комиссии «Дети войны». Разговор идёт об уже проделанной работе и утверждении нового плана на ближайший период в рамках акции «Дойти до каждого ветерана». Ветераны пьют чай и,

как всегда, делятся своими воспоминаниями. Слово берёт замечательный человек, морской капитан в отставке, в прошлом председатель совета ветеранов Центрального округа города Братска, Грищенко Валентин Фёдорович:

— Да, время было очень тяжёлое. Отец ушёл на фронт, а мы, трое детей в возрасте от пяти до десяти лет, жили с матерью в небольшом домике. Мать работала в колхозе, а мы помогали ей как могли. Когда немцы заняли село, в нашем доме поселился немецкий офицер, а мы были вынуждены жить во дворе, в погребе. Однажды, в один из летних дней, когда мы играли у стен погреба, возились в земле, на крыльцо вышел офицер в высокой фуражке с кокардой. Он подошёл к нам и на ломаном русском языке спросил: «Дети, вы Гитлера любите?» Мы сбились в кучку, грязные, оборванные, голодные, насупленные, и молчали. Тогда он крикнул что-то в дом, и на крыльцо вышли два автоматчика. Они построили нас в ряд около копны сена и стали стрелять. Пули летели выше голов, между нами и близко под ногами, поднимая пыль. Помню, я дрожал, как осиновый лист, вздрагивая крупно при каждом залпе. А мне было тогда пять лет. Я молча плакал. За нами загорелась копна сена. Офицер взмахнул перчаткой и что-то снова сказал солдатам. Они, грубо толкая, повели нас в сарай, дали умыться и положили нам еды, а потом и по шоколадке. Офицер подождал, пока мы съели всё, и снова спросил нас: «Дети, вы Сталина любите?» И мы, уже чистые, сытые, весело и радостно заорали: «Да!» Тогда офицер сказал мудрую фразу: «Этот народ мы никогда не победим!»

Эти слова ветераны, дети той войны, встретили горячими аплодисментами.

Именно сплочённость всех народов нашей большой страны, вера в нашу правду и справедливость делают нас непобедимыми! И об этом надо всегда помнить и говорить нашим детям и внукам, чтобы они тоже росли сильными, дружными, ответственными за нашу страну, нашу Россию!